

град-Кондерфолде²⁵ не имеют ничего общего с более поздними пряжками с Ош-Пандо. Из многочисленных сосудов могильника только два имеют отдаленное сходство с сосудами из Ош-Пандо²⁶. Аналогии им М. Пардуца находит в сарматских памятниках Нижнего Поволжья²⁷. Наконечники копий и стрел и ножи, видимо, нельзя принимать во внимание, так как они не определяют этническую принадлежность населения. Остаются лишь некоторые украшения (серьги с многогранником и четырнадцатигранные бусы). Однако у нас нет уверенности в том, что они были характерны для угорско-мадьярских племен. Четырнадцатигранные бусы имели широкое распространение на Северном Кавказе среди сармато-аланских племен во II—IV вв., а серьги с многогранником — в VI—IX вв.²⁸

П. Д. Степанов пишет, что полная идентичность ряда вещей с Ош-Пандо с вещами Пастерского городища на Украине объяснима только при условии, что на Ош-Пандо проживали угро-мадьяры. П. Д. Степанов не уточняет, какие вещи он имеет в виду. Изучение материалов Пастерского городища не дает нам права соглашаться с его категорическим утверждением о полной идентичности вещей указанных памятников. Основной материал Пастерского городища принадлежит скифам, небольшая часть — славянам, а об угорском комплексе здесь говорить не приходится.

Из изложенного становится понятной необходимость более аргументированного доказательства принадлежности угро-мадьярам памятников, исследованных П. Д. Степановым в Мордовии. Пока еще рано говорить, что задача, которую поставил перед собой П. Д. Степанов, в какой-то степени решена.

С. М. Васюткин

²⁵ M. Párducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. AA, XI, Budapest, 1959, табл. XII, 3; VIII, 11; VI, 2, 3.

²⁶ Там же, табл. XVI, 5, 6.

²⁷ Там же, стр. 363.

²⁸ В. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 28; В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 130, рис. 2, 1.

В. П. Петров. Исторична топографія Києва (Першопочатки міста).

В сборнике «Історичні джерела та їх використання», вип. 1, Київ, изд-во «Наукова думка», 1964, стр. 114—140.
(Інститут історії Академії наук УРСР. Архівне управління при раді міністрів УРСР).

Проблемы происхождения и ранней истории древнерусских городов являются едва ли не наиболее актуальными и острыми проблемами советской исторической науки. За последние годы в этой области получено довольно много нового и весьма ценного археологического материала, однако, делать какие-либо обобщения и выводы пока еще все же очень трудно¹. Совершенно естественно поэтому, что каждое новое слово, имеющее отношение к данной проблеме всегда вызывает острый интерес и встречает у читателей-специалистов особо благожелательное отношение. Именно с таким отношением и подошли мы к статье В. П. Петрова «Историческая топография Киева». Содержание этой статьи несомненно шире ее заглавия; здесь делается попытка проследить некоторые общие закономерности сложения социальной топографии древнерусских городов.

К сожалению, приходится констатировать, что знакомство с этой статьей может принести лишь глубокое разочарование. В. П. Петров не делает никаких попыток осмыслить и обобщить накопленный археологами материал. Он идет по иному пути: излагает заранее заданную концепцию и пытается проиллюстрировать ее археологическим материалом. Скажем сразу: эти материалы концепцию В. П. Петрова не подтверждают.

По мнению В. П. Петрова, для древнерусских городов на раннем этапе их развития характерно деление на три самостоятельно укрепленные части — княжескую, церковную и ремесленную. Он пишет: «Структура города отображает социальную структуру общества. Каждая из трех общественных групп (сословий — станів) занимает в городе свою особую часть, имеет свою, искусственно укрепленную территорию... между частями города и делением общества на сословия-классы имеется прямая зависимость. Территории (осады) в границах города также резко расчленены, как и сословия (станів) в обществе. Каждая из территорий общественных групп (становив осель) отделена одна от другой валами и рвами, образуя замкнутое в себе целое» (стр. 131). Княжеская укрепленная часть, согласно В. П. Петрову, обычно расположена на самом конце мыса, а среднюю, наиболее высокую часть города, занимала

¹ Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА, 96, 1963, стр. 3.

епископская часть — замок-бург. «Этот замок-бург господствует над обеими другими городскими частями — княжеской и ремесленной» (стр. 132).

В качестве наиболее характерного примера В. П. Петров приводит городище в с. Крылос — древний Галич. Как княжеская укрепленная часть, где находился княжеский дворец, приводится так называемый Золотой Ток. Вторая площадка, на которой стоял Успенский собор, названа епископской частью. И, наконец, окольный город характеризуется как ремесленная укрепленная часть древнего Галича. Однако эта схема находится в полном противоречии с фактами. Раскопки Я. Пастернака, а затем М. К. Каргера показали, что Золотой Ток представляет собой площадку, укрепленную в X в. Тогда Галич еще не был городом в собственном смысле этого слова². Когда в XII в. были построены мощные укрепления Галичского детинца, укрепления Золотого Тока уже потеряли военное значение. В XII—XIII вв. Галич имел лишь две укрепленные части — детинец и окольный город. Археологические свидетельства подтверждаются в этом отношении письменными источниками: когда в 1219 г. князь Мстислав штурмом взял Галич, венгры, защищавшиеся в городе, использовали в качестве последнего оплота не Золотой Ток (что безусловно имело бы место, если бы здесь в это время существовали оборонительные сооружения), а церковь Богородицы.

Таким образом, изучение реально существующих остатков древнего Галича не подтверждает, а наоборот, дискредитирует схему В. П. Петрова. Тем не менее, вывод, сделанный на неверном толковании исторической топографии Галича, переносится в качестве эталона на Киев. Найти в топографии Киева эпохи Владимира деление на три самостоятельно укрепленные части совершенно невозможно. И все же В. П. Петров попытался это сделать. Известно, что еще в 1908 г. при раскопках Д. Милеева был обнаружен засыпанный ров древнейшего Киевского городища. Позднее этот ров был внимательно изучен М. К. Каргером. Ров ограждал небольшую площадку, расположенную на мысу, где ныне стоит Киевский гос. исторический музей. Как Десятинная церковь, так и обнаруженные раскопками княжеские дворцы находятся вне территории этого городища³. И никаких других оборонительных линий вплоть до границы «города Владимира» — до Батыевых ворот — нет. Между тем, именно эту территорию В. П. Петров пытается представить как трехчленную: 1) северную, где существовала княжеская укрепленная часть, 2) среднюю — укрепленную церковную часть (близ Десятинной церкви) и 3) ремесленную.

Было бы очень соблазнительно найти в членении оборонительной системы древнерусских городов такое идеальное отражение социальной структуры общества, как это хочется видеть В. П. Петрову. К сожалению, дело обстоит значительно сложнее. Оборонительные системы древнерусских городов в подавляющем большинстве случаев состоят не из трех, а из двух частей — детинца и окольного города (иначе — острога). Примеры трехчленного деления крайне редки. Сюда относится, например, Владимир на Клязьме, сложение городской территории которого было как раз не типичным, а чрезвычайно своеобразным. Во всех же прочих случаях, за очень редкими исключениями, территории древнерусских городов делятся лишь на две укрепленные части. Такое членение документируется очень большим количеством примеров и к тому же полностью подтверждается сведениями письменных источников. При этом только детинец может быть назван самостоятельным укреплением, так как он приспособлен к обороне со всех сторон. Окольный же город никогда не имеет оборонительных сооружений со стороны детинца.

Несомненно, что детинец в основе своей представляет административно-княжескую часть города, а возникновение окольного города связано с ростом города, со становлением городского посада, городского самоуправления. Однако реальная картина жизни на этих двух площадках была чрезвычайно сложной и многообразной. Четкого и абсолютного разделения городской территории, соответственно социальной структуре общества не наблюдается. Жилища ремесленников, купцов и бояр, как правило, расположены в одних и тех же частях города. Хорошим примером может служить Новгород, где это обстоятельство подтверждается как материалами раскопок, так и свидетельствами письменных источников. Епископские соборы в одних случаях построены в детинцах (Галич, Суздаль, Новгород), в других — на территории окольного города (Владимир-Волынский, Рязань).

Большую территорию между первой и второй линиями укреплений нельзя считать целиком епископской, так как иначе неизвестно, где же жило основное население

² Совершенно непонятно, почему В. П. Петров для обозначения древних укрепленных поселений догородского типа употребляет термин «городище». Уже в XVIII в. В. Татищев дал следующее, совершенно правильное определение этого слова — «городище, называется место, где прежде бывал город и опустошен» (В. Н. Татищев. Лексикон российской, ч. 2, СПб., 1793, стр. 64); В. Даль — «Городищ(е)а... остатки развалин города, селения или укрепления...» Толковый словарь живого великорусского языка. I, М., 1955, стр. 381.

³ Кстати сказать, последние исследования убедительно показали, что Десятинная церковь изначально была не митрополичьей, а княжеской дворцовой церковью. А. Порре. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. Przegląd historyczny, LV, 1964, 3, стр. 383.

ние города. Территории эти никогда не господствовали над площадкой детинца, о чем свидетельствует хотя бы такой элементарный факт, как взаимное соотношение валов и рвов: рвы всегда ориентированы в одну сторону — в напольную сторону города, вне зависимости от того, где находился епископский собор — во внешней или внутренней укрепленной части. Выделение самостоятельной епископской части города всегда имеет совершенно иной характер. В тех случаях, когда это удалось установить, епископская территория выделена из территории города (независимо — детинца или окольного) каменно-кирпичной оградой, имевшей скорее архитектурное, чем военное значение. Такова ограда Успенского собора во Владимире, Софийского собора в Киеве, митрополичьего двора в Переяславле-Русском. Удивительно, что именно эту особенность выделения епископской территории В. П. Петров как раз не упоминает.

Таким образом, в изучении социальной топографии древнерусских городов приходится считаться с очень сложной картиной заселения.

К этому следует добавить также, что не следовало бы некритично приводить давно отвергнутую советскими историками архитектуры точку зрения В. Хвойки, что дворец, раскопанный близ Десятинной церкви относится ко времени «Ольги — Владимира» (стр. 134 и 136). Дворец этот, безусловно, одновременный строительству Десятинной церкви. Странно звучит также ссылка на то, что соборная церковь в Галиче была специально построена, как приспособленная к обороне (стр. 131, прим. 65). Летописец в данном случае прямо отметил, что венгры использовали церковь для обороны, построив на ней временное укрепление; он даже посчитал это осквернением святыни. В. П. Петров ссылается здесь на книгу Л. Чачковского и Я. Хмилевского, изданную в 1938 г., т. е. до того, как в Галиче были проведены серьезные раскопки. При этом В. П. Петров Л. Чачковского почему-то всюду называет Л. Чечвянским.

Обобщения, основанные на тщательном анализе большого фактического материала, важнейший шаг на пути раскрытия исторических закономерностей. Социологические же обобщения, не основанные на фактическом материале, изложенные в рассматриваемой статье, могут лишь затруднить решение и без этого достаточно сложного вопроса.

Г. Ф. Корзухина, П. А. Рампопорт

ОБ АМФОРНЫХ КЛЕЙМАХ ИЗ ПЕЛЛЫ

В статье «Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике»¹ мною было уделено внимание чрезвычайно интересным керамическим клеймам, найденным при раскопках столицы македонских царей Пеллы (стр. 377). Однако в то время, когда я писал эту статью (как указано в примеч. 28), мне была недоступна публикация материалов о раскопках Пеллы Х. Макаронаса² и сведения о найденных там клеймах я почерпнул из известного «эпиграфического бюллетеня» Ж. и Л. Роберов³. Теперь я получил возможность, благодаря любезности Х. Макаронаса, познакомиться не только с его предварительной публикацией о раскопках Пеллы 1957—1960 гг., но также и с краткими отчетами о раскопках 1961 и 1963 гг.⁴ Получил я также некоторые разъяснения относительно клейм из Пеллы от В. Грейса.

Эти материалы показали, что в мою статью в связи с не совсем верным освещением ряда фактов Ж. и Л. Роберами вклялись некоторые неточности, а кроме того, выяснилось, что не со всеми определениями, данными в публикации Х. Макаронаса можно согласиться, и поэтому не все мои суждения были правильными.

Прежде всего это относится к клеймам, отнесенным в публикации Х. Макаронаса к группе «боспорских» («du Bosphore»). В своей статье я высказал предположение, что речь здесь идет, по-видимому, о синопских клеймах, которые некоторыми зарубежными исследователями до сих пор иногда неправильно именуются «понтийскими» или «боспорскими». Однако оказалось, что под «боспорскими» клеймами в названной публикации разумеются не синопские, а так называемые колесообразные клейма, которые уже давно большинством исследователей признаются фасосскими⁵. Ошибочное их определение в статье Х. Макаронаса основано, очевидно (это предполагает уверенно и В. Грейс в письме от 18.IV.1966), на неверном определении З. Штеттылло⁶, о чем мне в свое время уже приходилось писать⁷. Таким образом,

¹ И. Б. Брашинский. Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике. СА, 1966, 2, стр. 332—340.

² «Arch. Deltion», 16, 1960/1962.

³ Revues des études Grecques, 75, 1963, № 19, стр. 123.

⁴ «Arch. Deltion», 17, 1961, 1962, стр. 209 сл.; там же, 18, 1963, стр. 200 сл.

⁵ И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 294 сл.

⁶ Z. S z t e t y b l o. Stemplowanie amfor greckich. «Kwartalnik historii kultury materialnej», VI, 3, 1958, стр. 467, рис. 2, а.

⁷ И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 294, примеч. 14.